

АСАДЕМИА

Cogito, ergo sum

Я мыслю, значит существую

В год 75-летия Великой Победы поговорим о жизни, подвигах и творчестве поэтов-фронтовиков. Так, на вязниковском календаре есть дата 28 мая - день рождения поэта-земляка Константина Климова.

Музы не молчали

ПРЕЖДЕ всего несколько слов о поэте. Он родился и жил в Вязниках, рано начал писать стихи, хотел заниматься этим профессионально и поступил в ИФЛИ, где в свое время учился Александр Твардовский, Михаил Луконин и другие известные литераторы. Когда началась война, большинство студентов ИФЛИ ушли добровольцами на фронт. В их числе был и Константин Климов, скрывший перед комиссией свои проблемы со слухом. Он воевал, был ранен, вернулся после госпитализации в строй и погиб в 1942 году на Западном фронте. Память о нем мы храним в наших сердцах. 10 лет назад увидел свет сборник его стихов «Я вернулся домой», был также снят фильм о поэте.

Каждая значимая историческая эпоха выдвигает своих поэтических гениев. «Сороковые роковые» не исключение, но они славны тем, что дали отечественной литературе коллективного гения в лице поэтов-фронтовиков. Здесь особая роль принадлежит студентам ИФЛИ, и первым из них надо назвать Семена Гудзенко, ставшего настоящим запевалой своего поколения:

*Наш путь, как Млечный –
раскалён и долог,
Мы начали в июне, на заре.
А пыли с тавром готическим
осколок,
В мешке на двое суток сухарей.*

Это строки из стихотворения «Путь» с посвящением «Студентам ИФЛИ, однопольчанам», написанного в 1942 году на войне. Семен Гудзенко служил в мотострелковой дивизии особого назначения, воевал под Москвой, забрасывался с лыжным десантом в тыл врага, был тяжело ранен: «На минуту теряю сознание. Упал. Ходить не могу. Рана – аж видно нутро». Стихи писал в краткие минуты отдыха между боями. Они стали попадать в печать. Литератор старшего поколения Илья Эренбург верно заметил, что это поэзия не о войне, а с войны, с фронта».

Ровесник Семена Гудзенко, тоже поэт-фронтовик Василий Субботин, прочитав в журнале «Знамя» его стихотворение «Перед атакой», позже писал: «Это стихотворение было знаменательно для всей нашей поэзии о войне. Мы все как-то внезапно увидели, как правдиво можно писать о войне. И должно быть, влияние его сказало на многих стихах очень многих поэтов».

Поэзия поэтов-фронтовиков уникальна по своей сути: она творилась на том рубеже, где грань между жизнью и смертью была еле уловима. В стихотворении Павла Шубина «Полмига» читаем: «Мне только б до той вон канавы, полмига, полшага прожить». Эти полмига нужны ему для того, чтобы «увидеть оскал амбразуры и острые вспышки огня» и броском гранты уничтожить «Четырежды проклятый дзот». «Прожить бы мне эти полмига, а там я сто лет проживу», завершает это потрясающее по силе короткое стихотворение поэт и ставит точную дату и место его написания: 3 августа 1943 года, Юго-восточнее Мги. Это под Ленинградом. Позже он напишет ставшую всенародно любимой «Застольную Волховско-

го фронта». Сразу вспоминаются строчки: «Наши штйки на высотах Сенявина, наши полки подо Мгой».

ВЧЕРАШНИЕ студенты быстро осваивались на фронте. «Обветренный прокуренный филолог военную науку постигал», - скажет тот же Семен Гудзенко, который «был пехотой в поле чистом». Авторы осваивали военные специальности: пулеметчика, десантника, разведчика. И при этом они не утрачивали поэтического взгляда на мир, в чем им помогала великая русская литература, знание её. Пример тому - стихотворение Павла Шубина «В секрете», в строках которого слышна переключка то с Пушкиным («Волнистые поляны и луна, Леса седые от морозной пыли»), то с Блоком («И снежным ветром пахнущие губы»), то с Есениным («Берёзки, словно девочки босые стоят в снегу»). Это как будто сон наяву лежащего в секрете поэта-солдата: «Луна... Мороз... И словно нет войны». Но война – это реальность: «На сотни вёрст кругом горит Россия», заканчивает свое стихотворение Павел Шубин, а с ним в дозоре как будто были Пушкин, Блок, Есенин – классики тоже воевали за свою землю, а как же иначе.

У немцев тоже была великая культура: Гёте, Шиллер, Бетховен. У немецкого народа, но не у фашистов, сжигавших книги на площадях. Они весело распевали свои марши, «прокатываясь танками по ржи» Чехии, Польши. В России проповали весело спеть, но не получилось – здесь звучала другая мелодия. Об этом сильно сказал в своем стихотворении «Музыка» Александр Межиров: «Какая музыка во всём, всем и для всех не по ранжиру: Осилим, выстоим, спасём, ах не до жиру, быть бы живу». А в его стихотворении «Десантники» проступает горькая правда войны: «Мы под Колпино скопом стоим, Артиллерия бьёт по своим. Это наша разведка, наверно, Ориентир указала неверно». Что скрывать бывало и такое...

У каждого поэта-фронтовика найдутся строки, чем-то цепляющие за живое, врезающиеся в память. Михаил Львов в стихотворении «Высота» поднимается до философских обобщений:

*«...И знают уцелевшие солдаты,
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрём,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы всё-таки берём»*
1944 г.

В стихах поэтов-фронтовиков нет ни единой фальшивой ноты, ура-патриотизма, ложного пафоса. Николай Старшинов пишет:

*«Приказ: Вперёд!
Команда: Встать!
Опять товарища бужу я,
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал чужую.
Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул «За Россию»,
А шли и гибли за неё»*
1944 г.

ОБЫЧНО дата написания стихотворения ставится в конце, а вот упомянутый выше Василий Субботин вынес ее в название. И оно того стоило, ведь орудия уже напрямую били по Рейхстагу

*30 апреля 1945 года
«...Опасно оседающая зона,
Всего один осталось сделать шаг,
Сердитый командир у телефона.
Снарядами обглоданный рейхстаг.
Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из тёмных окон прыгают бойцы»*

И буквально следом, но уже в победном мае им написано стихотворение «Бранденбургские ворота». Короткое, но очень ёмкое:

*«Не гремит колесница войны,
Что же вы не ушли от погони
На верху Бранденбургской стены.
Боевые немецкие кони:
Вот и арка, проходим под ней,
Суд свершив справедливый
и строгий,
У немецких державных коней
Перебиты железные ноги»*

Да, «обветренный прокуренный филолог» военную науку постиг в полной мере и внес свою весомую лепту, как солдат, в Победу над врагом. И кроме того, он сумел создать уже там, на фронте, то, что стало гордостью отечественной литературы. Поэты-фронтовики сказали новое слово в русской поэзии, а это под силу только гению. И если в начале войны Семен Гудзенко выступал от лица своих сверстников студентов ИФЛИ, то в конце войны он заслужил, завоевал право говорить от всего своего поколения. Поэт написал такое стихотворение, что даже перелистав все поэтические сборники всех времен и народов, вряд ли можно найти что-то подобное по силе высказывания. Оно так и называется «Мое поколение». Его у нас сейчас все знают, вот его начало:

*«Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашим комбатом,
как пред господом богом чисты.
На живых порыжели от крови
и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели
голубые цветы...»*

Это произведение вместило в себя все, что могло вместить в себя горячее сердце 23-летнего поэта-бойца, и он хочет, чтобы живые знали и помнили об этом:

*«Пусть живые запомнят и пусть
поколения знают
эту взятую с боем суровую правду
солдат.
И твои костыли, и смертельная
рана сквозная,
и могилы над Волгой,
где тысячи юных лежат...»*

Молодым погиб поэт Михаил Кульчицкий (1919 – 1943), написавший в 1942 году:

*Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда – черна от пота – вверх
Скользят по пахоте пехота...
На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.*

ЮНЫМ погиб и Николай Майоров (1919 – 1942), успевший написать до войны замечательные стихи «Август», «Творчество». А в стихотворении «Мы» разве можно забыть такие строчки:

*«Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли недолюбив,
Не докурив последней папирасы...»*
1940 г.

Или еще одно, не помеченное никакой датой, скорее всего последнее стихотворение Николая Майорова:

*«Нам не дано спокойно сгнить
в могиле –
Лежать навтыяжку, - и,
приоткрыв гробы,
Мы слышим гром предупредительной пальбы,
Призыв охришей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.
Мы все уставы знаем наизусть,
Что гибель нам? Мы даже
смерти выше,
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят».*

Наш земляк, поэт-фронтовик Константин Климов (1917 – 1942) принадлежавший именно к тому поколению, также погиб молодым. Он освобождал от фашистских захватчиков Ясную Поляну и писал перед боем в письме к родным в Вязники: «Идем освобождать русскую литературу». Так написать мог только истинный поэт, готовый отдать жизнь за светлое будущее следом идущего поколения:

*«...Но за юность без слёз,
без страданья,
Если надо, погибну в бою...».*

Фронтовая поэзия сказала свое слово – музы не молчали, когда говорили пушки. Следом пришла и мощная военная проза писателей-фронтовиков: Юрия Бондарева, Василя Быкова, Виктора Астафьева. Это и есть то подлинное, чего сейчас нельзя ничем заменить, ни военными блокбастерами, ни ремейками лучших советских фильмов о войне – ни чем иным, созданным всуе, на потребу сегодняшнего дня. И нам надо знать нашу великую литературу о войне, созданную ее участниками, поэтами и писателями. Прозу читать и перечитывать, а поэзию просто знать наизусть, как мы помним строки наших великих классиков, вошедшие в наш генетический код.

Сергей АПОСТОЛОВ.